

спонукає багато чого додумувати, провокуючи рецепцію співтворчості. У цьому сенсі книга О. Драчківської подібна до графічного живопису, витриманого в тонах оголеної, позбавленої красивих покрівів природи.

Подібна стилістична оснащеність притаманна більшості творів української літератури емігрантського дискурсу. І це закономірно. Адже сам тематичний спектр і можливі форми адекватного його вираження диктують відому скупість у виборі засобів та способів активування зробленого. Показово, що ця тенденція простежується і в жанровій специфіці: щоденникові записи («Нянька-Ненька»), роман з елементами психологічної документалістики («Ранковий прибиральник»), новели з фрагментами особистісних вражень («Дзеркальне блудище») або з мінорними побутовими замальовками («Козацька корчма»), тексти з «плаваючою» жанровою приналежністю, майстерно прикрашені історичною й культурно-міфологічною канвою. Все це тільки демонструє можливості художнього вирішення достатньо суперечливого, різнопланового й актуального явища, визначеного як заробітчання, заробітчання еміграція або еміграція четвертої хвилі. Виявлення нижчої побутової складової цього феномену до найвищих, екзистенційно-онтологічних – завдання, що вимагає багатогранної, різнобічної підготовки. Звідси – прагнення художньо ефектного і достатньо продуктивного перетворення згідно з названою тематикою міфологічних, історичних і мовних аспектів, які у різний мірі демонструють долю й сутність заробітчання, що, власне, цілком наочно презентують названі авторки.

Бібліографічні посилання

1. Гата Єва. З варяг у греки, або історія, накреслена рунами / Єва Гата. – Львів : БаК, 2008. – 208 с.
2. Гундорова Т. Післячорнобильська бібліотека. Український літературний постмодерн / Тамара Гундорова. – К. : Критика, 2005. – 264 с.
3. Драчківська О. Нянька-Ненька. Зі щоденника заробітчани / Оксана Драчківська. – Львів : Кальварія, 2009. – 192 с.
4. Роздобудько І. Він: Ранковий прибиральник. Вона: Шості двері / Ірен Роздобудько. – К. : Нора-Друк, 2007. – 312 с.
5. Таран Л. «Артемід з ланню» та інші новели / Людмила Таран. – Львів : Срібне слово, 2010. – 184 с.
6. Тарасюк Г. Янгол з України. Маленькі романи, новели / Галина Тарасюк. – К. : Либідь, 2006. – 432 с.
7. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре / Мирча Элиаде. – К. : София; М. : Гелиос, 2002. – 224 с.

Надійшла до редколегії 25.04.11

УДК 821.161.1-3.09+929 Даль

Т. В. Старецкий

г. Луганск

ОСОБЕННОСТИ КОМИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В. И. ДАЛЯ «БЕДОВИК»

Розглядається комічна грань літературної творчості В. І. Даля. У повісті «Бедовик» за допомогою сатиричного осміяння письменник зображає різні явища життя у суспільстві.

Ключові слова: сатира, засудження, доля, покiрність.

Рассматривается комическая грань литературного творчества В. И. Даля. В повести «Бедовик» посредством сатирического осмеяния писатель изображает разные явления общественной жизни.

Ключевые слова: сатира, осуждение, судьба, покорность.

In the article the comic verge of V. I. Dal' literary creation is examined. In «Bedovik» story the writer represents different sides of social life.

Keywords: satire, conviction, fate, obedience.

Повесть «Бедовик» была опубликована В. И. Далем в журнале «Отечественные записки» в 1839 г. Действие в произведении сосредоточено вокруг человека, который занят нелюбимым делом. Герой стремится избавиться от угнетающего его окружения, размышляя над жизнью человека в обществе. В. Белинский отозвался о повести как о произведении, в котором «...так много человечности, доброты, юмора, знания человеческого и, преимущественно, русского сердца...» [1, т. 3, с. 189]. В современном литературоведении повесть неоднократно становилась объектом исследования. Так, В. П. Царёва, анализируя организацию повествования, сравнивает идеологические основы «Бедовика» и «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева [11]. Автор статьи подчёркивает «беллетристичность» повести В. Даля по сравнению с А. Радищевым и перемещение внимания с окружающего мира на главного героя, через которого изображается завуалированная действительность. Повесть – «продолжение на новом этапе радищевско-пушкинских вольнолюбивых <...> традиций» [12]. Идейно-нравственная и психологическая сторона произведения исследованы в статьях С. И. Равикovichа [7] и М. М. Радецкой [8], в которых прослеживается развитие персонажа в процессе становления реализма, а также обобщение общественного и психологического человеческого опытов. Об истории написания и о переплетении реалистического и символического начал в повести «Бедовик» [9], а также о «мифическом провинциальном городе» и символическом разрыве героя с «замкнутым пространством» [10] пишет М. В. Строганов. При всей исследованности художественного мира повести комический пафос остаётся неизученным. Цель статьи – исследовать средства комизма, используемые автором повести. Тематика «Бедовика» охватывает разные сферы жизни человека (отношения между людьми в сфере чиновничества, общество провинции). Главная тема повести – изменение мировоззренческих основ человека, который постоянно терпит лишения и невзгоды из-за собственной нерешительности. Проблематика произведения представляется тяготеющей к романной, социокультурной, философской. Посредством путешествия создаётся условие, при котором проявляется нежизнеспособность мировоззрения, мешающего полноценной жизни. Этот жанр явился универсальным средством панорамного изображения, объединив в себе особенности других жанров. «Приём этот будет повторяться в рассказах и повестях Даля: дорожные похождения и встречи заменяют увлекательный сюжет...» [6, с. 222]. В более поздних произведениях («Вакх Чайкин», «Похождения Виольдамура») В. Даль использует этот жанр для разработки новых тем, ставших злободневными в российском обществе.

Главный герой повести – Евсей Стахеевич Лиров – мелкий чиновник гражданской палаты губернского города Малинова, символизирующий любой

российский город, в котором есть представители власти и высшее общество. По мнению М. Строганова, город Малинов также олицетворяет «миф, знак провинциальности» [3]. Евсей Лиров «необыкновенно честный и трудолюбивый человек», в чём он «не мог отдать ни себе, ни другим отчёта» [4, с. 29], одновременно является «бедовиком» (неудачником). Этим словом автор обозначил человека, буквально притягивающего к себе неудачи, и которое в то же время вводится В. Далем в обиход русского языка посредством неоднократного использования в последующих литературных произведениях. «Я просто бедовик; толкуй всяк слово это как хочет и может <...> этим словом, могу сказать, обогатил я русский язык, истолковав на деле и самое значение его!» [4, с. 79]. В. Даль, обозначая своё отношение к явлению, знакомит читателя со своим героем: «Есть же такие бедовики-неудачи на свете! Мелочные отношения суетной жизни, обычаев, обрядов и приличий беспрестанно сталкивались с Евсеем – или он с ними...» [4, с. 31]. Помимо профессионального долга, у Евсея есть неписанное (но не менее важное) обязательство – по выходным развозить карточки с приглашениями и поздравлениями «по всем лакейским и передним». Это занятие считалось знаком уважения начальства. Не делать этого значило ссору с руководством. При этом Лиров непрестанно думал о бесполезности и бессмысленности таких походов. Во время этих поездок герой размышляет о собственной жизни в окружении людей, которым адресованы карточки. Автор даже назвал своего героя «мастером своего дела, <...> то есть мыслей и думы» [4, с. 20]. Так осмеиваются некоторые особенности общественных устоев. Например, важна очерёдность разноса карточек по признаку чинопроизводства, и это важно знать человеку, который, кроме того, что вручает их, не поддерживает связи с адресатами. Лиров решает уехать из Малинова в Москву для того, чтобы изменить собственную жизнь. Принятое решение изменяется героем несколько раз, и он оказывается на дороге между Петербургом и Москвой, неспособный выбрать между двумя столицами. На его решение влияют люди и обстоятельства, пока он сам не начинает управлять своей жизнью. Встретив будущую невесту, герой решает вернуться в родной город.

Начало знакомства читателя с Евсеем происходит в период его жизни, когда он, в очередной раз убедившись в бессмысленности собственного существования в окружающем его обществе, решает уехать в Москву для того, чтобы начать жить иначе. «Можно ли вынести равнодушно весь этот бессмысленный быт, эту убийственную жизнь нашего женского круга, этот великолепный житейский пустозвон и пустоцвет!» [4, с. 23]. Оценка героя пересекается с будничными событиями: например, «вновь приезжая барыня, или как её называют, дама, а почему бы не краля? – обязана объехать все 38 домов, составляющие высшее общество города; младшие по чину, званию, богатству и значению в обществе, спешат на другой же день засвидетельствовать ей своё почтение и готовность служить, на первый случай, столиком, парюю стульев, ухватом, кочергой...» [4, с. 23]. Иронизируя по поводу заискивания людьми перед вышестоящими по чину, автор подчёркивает простоту, с которой он смотрит на подобного рода явления – строгость названия социального статуса, поставленного в один смысловой ряд с простоватым пониманием слова «дама», подвергается таким способом сомнению. «Краля» в Словаре толкуется как слово, шуточно используемое для названия

игральных карт. Краль и краля – «король и королева» [2, т. 2, с. 184]. Подобным способом писатель шутил и над использованием заимствований в русском языке. В этнографической повести «Бикей и Мауляна» (1836), описывая феномен видений, являющихся путникам в пустынях, автор называет разные варианты слова: «<...> у Арабов *сараб*, у Кайсаков *мунар*, у Французов и Русских *мираж*, а у, извините, – простолюдина, марево» [3, т. 7, с. 288]. Ироническое увязывание неграмотного простолюдина с родным языком – сатира на светскую русскую речь, изобилующую «чужесловами» как данью моде. Свои языковедческие наблюдения В. Даль излагал позже в очерках, посвящённых заимствованиям и лексическому обеднению языка. Решившись ехать в Москву на поиски новой жизни, Лиров сталкивается с решением Горюнова, который настоятельно «рекомендует» ехать в Петербург. В конце концов на вопрос Евсея, куда они всё-таки едут, Власов спокойно отвечает: «Разумеется в Питер». Оказываясь на станциях между Москвой и Питером, Лиров проявляет безволие и рассеянность (препятствия, которые мешают герою воплотить своё желание, нематериальны; происходящие события – лишь подспорье, дающее возможность убедиться в истинной причине). Единственной преградой на пути к цели является он сам. Авторская оценка действий и мыслей Лирова всегда носит иронический оттенок и не подразумевает сожаления о неудачах героя. Ирония относится к психологическому портрету Евсея. Такого рода комизм высмеивает определённые человеческие качества, представляя их в невыгодном свете, но не задевает достоинства самого носителя, оставляя за ним роль объекта симпатии. К комизму образа можно отнести убеждения Корнея, который одновременно представляется как «честнейший человек, благороднейшая душа и плут, и мошенник» [4, с. 37]. Кого он «...признавал другом, приятелем, товарищем или начальником своим, того берёг и стерёг пуще, чем себя самого и своё добро; но зато всех прочих признавал он неприятелями, в военном смысле, куда причитались некоторым образом и все чужие и незнакомые ему люди» [4, с. 38]. Этот персонаж явился прообразом денщика Якова, героя физиологии «Денщик» (1841), по убеждениям которого человечество делится на тех, кто «с нами», и тех, кто «против нас». Писатель развивает эту философию, развеивая миф о возможности её применения.

Приводя примеры из протокола, В. Даль даёт возможность посмеяться над неспособностью построения мысли: «Такой-то противозаконно застрелился, от чего ему от неизвестных причин приключилась смерть...» [4, с. 30]. Приводя выдержки из документов, автор смеётся над глупостью и невежеством, развлекая читателя вычурностью синтаксиса. В данном отрывке В. Даль делает сноски, в которых отмечает подлинность приведённых примеров. Слова Евсея – отражение авторского мнения насчёт народной грамотности: «Создатель мой! для чего люди не пишут запросто, как говорят» [4, с. 31]. Мысли героя – частичное отражение не только языковой картины России XIX ст., но и социальной: «Отчего не только люди маленькие и тёмные, а порядочные, неглупые и деловые, не только заседатели, которых бог простит, а, например, и сам даже...», – размышляя таким образом, Лиров увлёкся и, опомнившись, «оглянулся и продолжал думать тише прежнего» [4, с. 31]. Будучи занятым на государственной службе, В. Даль с иронией смотрит на

место «порядочных» заседателей в социальной лестнице, для которых религия уже не такое действенное средство контроля, как для более низких ступеней.

Психологический портрет главного героя предстаёт в форме его собственных размышлений. Сатирическое высмеивание общепризнанных нравов и устоев основано на наблюдениях Евсея за окружающим миром, а так же его осмыслении собственного пребывания в этом мире. При этом решений герой изначально не принимает, полагаясь на судьбу – некий источник перипетий и жизненных событий в целом. «Разве и солнце и луна не для всех нас равно светят...?» [4, с. 53]. Потерявшись в очередной раз, Евсей, опомнившись, убеждается, что «...норовистая судьба <...> снова так жестоко и неотвязчиво преследовала свою игрушку» [4, с. 69]. Обвиняя судьбу, герой как бы снимает вину с себя за всё происшедшее. В подобном случае нечто отвлечённое (ситуация, судьба, нюансы, например) выступает в форме источника возникших сложностей и обретает форму виновника. Евсей Лиров, размышляя, изменяет своё мировоззрение. Иногда он, бездумно глядя вдаль, начинает осмысливать действительность. Автор предлагает своё видение мира и понятия судьбы в человеческой среде. Сравнив земной мир с механизмом, устроенным для человеческого существования, где от нас мало что зависит, Евсей заключает, что свобода заключается в выборе жизненного пути, поэтому «судьба – пустое слово; моя свободная воля идти туда, сюда, куда хочу, и соображать, и оглядываться, чтобы не подставлять затылка коромыслу» [4, с. 79]. Таким образом, главный герой приходит к выводам, из которых следует, что его модель жизни – ложна, и что подобное явление в обществе – источник истинной беды в отличие от обвинений бестелесной «судьбы». Абсурдность ситуаций в повести иллюстрируется народной поговоркой о том, что «русский человек бывает крепок задним умом...» и делает вывод о сказанном в повести словами: «вот, что называется по-русски: простота хуже воровства» [4, с. 71]. Автор отмечает, что Евсей применил бы эту присказку к себе. В более поздних произведениях («Колбасники и бородачи», «Русак», «Находчивое поколение» и др.) В. Даль осмысливает поговорку, представляя вниманию светлые и тёмные стороны вопроса о том, хорошо ли это и действительно ли эта черта должна жить в народах России.

Обозначив тему самоуничтожения в сказке «Об Иване молодом сержанте», В. Даль развил её в повести «Бедовик», а также в физиологии «Русский мужик» (1846), в котором на примере крестьянского быта комически изобразил покорность и доверчивость русского человека. Интересно, что тема эта не утратила своей злободневности и сегодня. Например, В. Пелевин в романе «Числа» (2003) предложил свой взгляд, который мало отличается от мнения В. Даля: «Откуда в русском человеке это низкоклонство, это генетическое холопство перед властью? <...> Непонятно. И ведь самое забавное, что мы хорошо эту свою особенность знаем. Даже слово «ментальность» научились говорить. Только куда деваётся то, что мы понимаем про свою ментальность, когда эта самая ментальность включается по первому ментовскому свистку?» [5]. Таким образом, комизм повести «Бедовик» проявляется в иронической форме и основывается на смехе, возникающем в обстоятельствах, образах и языке повествования. Комизм составляет весомую долю пафоса произведения. Помимо этого писатель прибегнул к философскому осмыслению установленных правил жизни общественного строя, законы которого

оставляют небольшой выбор между покорностью и бунтом, что в обоих случаях не позволяет человеку оставаться самим собой. Писатель также изображает отторжение человеком безраздельной веры в фатализм или предопределённость судьбы. Наряду с сатирическим осуждением социума в пафосе повести имеет место юмористический смех, который неразрывно связан с действиями главного героя.

Как и в большинстве своих произведений, в «Бедовике» В. Даль приводит примеры искажения и обеднения родного языка, а также использует языковые средства для иллюстрирования собственных суждений в смеховой форме. Языковой комизм основан на внедрении простонародной речи, которая не требует глубокой художественной обработки для создания смеха, так как он возникает на стыке несоответствия норм. Средством языкового комизма явились также доказательства народной безграмотности, не исчезнувшей при осуществлении просветительских реформ. Так, наряду с развлекающим юмором возникает осмеивающая сатира, выраженная в виде авторской иронии и риторических вопросов. Иронизируя по поводу неспособности героя справляться с насущными делами, а также приводя примеры нелепостей в официальных документах, писатель создаёт добрый смех, располагающий к развлечению читателя. Сатирический, надменный смех возникает на более глубоком уровне – осмысляющем, когда представляются целые поколения людей, которые стали носителями идеологии подчинения, а также неспособные к самостоятельным решениям. Такое явление в общественной жизни изображено посредством иносказания (оксюморон, сравнение). Прослойка управленцев и их интересы и в дальнейшем творчестве В. Даля (наряду со многими писателями-современниками автора) отразится в зеркале сатиры, дополнив одну из основных тем литературы «натуральной школы».

Библиографические ссылки

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : В 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1953.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1991.
3. Даль В. И. Собр. соч. : В 10 т. / В. И. Даль. – СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1898.
4. Даль В. И. Избранные произведения / Сост. Н. Н. Акоповой, вст. ст. Л. П. Козловой, примеч. В. П. Петушкова; В. И. Даль. – М. : Правда, 1983. – 448 с.
5. Пелевин В. Числа [Электронный ресурс]. Сайт творчества Виктора Пелевина. – Режим доступа к разделу: <http://pelevin.nov.ru/romans/pe-chisla/index.html>.
6. Порудоминский В. И. Даль / В. И. Порудоминский. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 384 с. – (Жизнь замечательных людей).
7. Равикович С. И. О своеобразии психологизма прозы В. И. Даля. (На материале повести «Бедовик») / С. И. Равикович, Н. С. Кратинев // Творческое наследие В. И. Даля в идейно-нравственном формировании личности: Тез. докл. и сообщ. Четвертых Далевских чтений. – Ворошиловград: Изд-во ВГПИ, 1988. – С. 49 – 51.
8. Радецкая М. М. Особенности психологизма и характерологии в повести В. И. Даля «Бедовик» / М. М. Радецкая // Далевский сборник. – Луганск : Альма-матер, 2001. – С. 37 – 42.
9. Строганов М. В. О повести В. И. Даля «Бедовик» / М. В. Строганов // Шестые Международные Далевские чтения, посвящ. 200-летию со дня рождения В. И. Даля (20 – 26 нояб. 2001 г.). – Луганск : Изд-во Восточноукр. нац. ун-та, 2001. – С. 97 – 105.
10. Строганов М. В. Мифологизированный хронотоп в повести В. И. Даля «Бедовик» / М. В. Строганов // Далевский сборник. – Луганск : Альма-матер, 2001. – С. 27 – 30.
11. Царёва В. П. Литературные традиции в «Бедовике» В. И. Даля / В. П. Царёва // Далевский сборник. – Луганск : Альма-матер, 2001. – С. 31 – 36.

12. Царёва В. П. Трансформация жанра путешествия в творчестве В. И. Даля / В. П. Царёва // Творческое наследие В. И. Даля в идейно-нравственном формировании личности: Тез. докл. и сообщ. Четвертых Далеовских чтений. – Ворошиловград : Изд-во ВГПИ, 1988. – С. 28 – 30.

Надійшла до редколегії 10.05.11

УДК 821.111 (73)

В. С. Старцева

м. Черкаси

РОЗВИТОК АФРО-АМЕРИКАНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРНОЇ ТРАДИЦІЇ В КОНТЕКСТІ ДОБИ ГАРЛЕМІВСЬКОГО РЕНЕСАНСУ

Аналізується особливості виникнення та формування афро-американського літературного канону у період Гарлемівського Ренесансу.

Ключові слова: афро-американська література, національна традиція, канон, етнічний фемінізм, мейн-стрім.

Анализируются особенности возникновения и формирования афро-американского литературного канона в период Гарлемского Ренессанса.

Ключевые слова: афро-американская литература, национальная традиция, канон, этнический феминизм, мейн-стрим.

The article determines the principal peculiarities of Afro-American Literature discourse establishment in the period of Harlem Renaissance.

Key-words: afro-american literature, national tradition, canon, ethnic feminism, mainstream.

Афро-американська література уособлює собою складний синтез різних культур та традицій. Літературна традиція афро-американських письменників останніх десятиріч є однією з провідних ланок нової епохи мультикультуралізму у культурі США. У контексті мультикультурного проекту піднімаються такі важливі питання для афро-американської літератури, як проблема співвідношення єдності – відмінності – різноплановості американських культур, переоцінка національної традиції та канону, криза національної, культурної та особистісної ідентифікації [3, с. 147–148]. Мультикультуральний дискурс поєднує між собою різносторонні концепції та теорії літературознавства США XX–XXI століть, серед яких теорія «постколоніальних досліджень», ідеології «плавильного тиглю» та «інаковості» з альтернативними моделями: «веселка», «чудова мозаїка», «лоскутна ковдра», концепції «етнічного фемінізму», «мейнстріму» та «культурного пограниччя», без яких дослідження складного явища афро-американської культурної парадигми є неможливим.

Афро-американський літературний текст виник ще у XVIII столітті. Першими афро-американськими літературними творами стали автобіографії поневолених африканських рабів. Найпоширенішими автобіографіями є «Історія життя Олауда Еквіано, або Густава Васси, африканця, написана ним самим» (The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, The African, Written by Himself, 1789), «Розповідь про життя Фредеріка Дугласа» (A Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave, Written by Himself, 1845), «Розповідь про життя та втечу Вільяма Вельса Брауна» (Narrative of the Life and Escape of William Wells Brown, 1852), «З рабства» Букера Ти Вашингтона (Up from Slavery, 1901). До